

Научная статья

УДК 316.347

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.3.3

EDN MQXQCN

Демаркация идентичности: проблема сохранения суверенитета индивида в цифровом пространстве**Вера И. Немчина¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: nemchina@sfnu.ru**Аннотация**

Введение. В цифровую эпоху индивид становится носителем и жертвой амбивалентной и лабильной индивидуальной идентичности: идентичности реальной как выражения собственной индивидуальности, включающей личностную, групповую, профессиональную, гендерную, этническую, гражданскую, и идентичности виртуальной как пользователя информационного ресурса с индивидуальным цифровым кодом. Сегодня формируется всеобщая эпоха активной имитации реальной жизни, конструирования анонимного индивида, основанных на тотальном апгрейде его идентификационных кодов.

Теоретические основы исследования. На основе выделения и анализа индивидуальной идентичности в цифровом пространстве была осуществлена концептуализация различных подходов в характеристике идентичности. Она выражается в том, что ситуативный подход характеризует теоретическую конструкцию, описывающую способность человека формировать свою идентичность в различных ситуациях и ради сохранения своей индивидуальности отклоняться от общих норм группового поведения; интересубъективный подход дает определение уникального места индивида, его осознание как следствие интериоризации в существующей символической организации группы; структурно-функциональный подход эксплицирует фиксируемую совокупность атрибуций индивида, в число которых входят его личные черты, функциональные признаки и мотивационная структура.

Результаты и их обсуждение. В цифровой среде воспроизводятся идентификационные конструкты индивида как некоторые инструментальные матрицы или своеобразные операциональные модели повседневной и социальной коммуникации, модели взаимоотношений и взаимосвязей в множественности социальных миров. При этом, отражая социальную реальность, индивид формирует свое отношение к ней согласно идентификационному конструкту, а, реализуя по этим матрицам и моделям свои действия, индивид творит часть самой реальности, меняет ее, трансформирует. Учитывая, что идентификационный конструкт может быть целенаправленно формируемым или непроизвольно возникающим способом отражения доминирующей над индивидом реальности, можно представить его в виде прагматично-целевого результата прямого воздействия на субъекта искусственно сконструированной среды (манипуляция), или как следствие рационального отношения к социальной реальности в виде продукта социальных переживаний и социальных чувств, детерминированных принципами и правилами доминирующей реальности.

Ключевые слова: идентификационный конструкт; амбивалентность идентичности; социальная ригидность личности; симулякры и симуляции; виртуальная идентичность; цифровая повседневность; множественность социальности; эффект коловратности идентификации.

Для цитирования: Немчина В. И. (2022). Демаркация идентичности: проблема сохранения суверенитета индивида в цифровом пространстве. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). С. 37–44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.3>

Identity demarcation: the problem of preserving the sovereignty of the individual in the digital space**Vera I. Nemchina¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nemchina@sfnu.ru**Abstract**

Introduction. In the digital age, the individual becomes the bearer and victim of an ambivalent and labile individual identity: a real identity, as an expression of one's own individuality, including personal, group,

professional, gender, ethnic, civil, and a virtual identity, as a user of an information resource with an individual digital code. Today, a universal era of active imitation of real life is being formed, the construction of an anonymous individual based on a total upgrade of his identification codes.

Theoretical basis of the study. Based on the identification and analysis of individual identity in the digital space, the conceptualization of various approaches to characterizing identity was carried out. It is expressed in the fact that the situational approach characterizes a theoretical construction that describes the ability of a person to form his identity in various situations and, in order to preserve his individuality, deviate from the general norms of group behavior; the intersubjective approach defines the unique place of the individual, his awareness as a consequence of internalization in the existing symbolic organization of the group; the structural-functional approach explicates a fixed set of attributions of an individual, which include his personal traits, functional characteristics and motivational structure.

Results and its discussion. In the digital environment, the identification constructs of the individual are reproduced as some instrumental matrices or original operational models of everyday and social communication, models of relationships and interconnections in the plurality of social worlds. At the same time, reflecting social reality, the individual forms his attitude towards it according to the identification construct, and realizing his actions according to these matrices and models, the individual creates a part of reality itself, changes it, transforms it. Considering that an identification construct can be a purposefully formed or involuntarily emerging way of reflecting the reality that dominates an individual, it can be represented as a pragmatic-target result of a direct impact on the subject of an artificially constructed environment (manipulation), or as a consequence of a rational attitude to social reality in the form of a product of social experiences and social feelings determined by the principles and rules of the dominant reality.

Keywords: identification construct; ambivalence of identity; social rigidity of the individual; simulacra and simulations; virtual identity; digital everyday life; plurality of sociality; the effect of rotation of identification.

For citation: Nemchina V. I. Identity demarcation: the problem of preserving the sovereignty of the individual in the digital space. *Caucasian Science Bridge*. 5 (3). P. 37–44. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.3>

Введение

Сегодня, безусловно, можно констатировать, что «произошло переструктурирование всего социального пространства и всей системы общественных отношений, что имеет своим следствием и переструктурирование механизмов идентификации. Соответственно, то, что учеными называется «ломкой идентичности», «конфликтом идентичностей» или «кризисом идентичности», является отражением процесса массовой социальной и личностной дезориентации, которая выражается в тех формах, которые были приведены выше, а также в следующем» (Немчина, 2018, 110):

- социальный мир изменился, как отмечает А. Ю. Хамнаева, поэтому изменилась его социальная динамика, и это стало основанием изменения идентичности (Хамнаева, 2007);
- редуцирована функция современного общества как целостной системы и устойчивой структуры, которая обеспечивает индивиду целостность и устойчивость в формате безопасного существования;
- непредсказуемость и неопределенность общества как детерминанта повседневности определила непредсказуемый и неопределенный характер идентичности, что часто находит выражение во взаимоисключающих ценностных основаниях и самоопределениях индивида в разных коммуникативных пространствах;
- ценностная деформация многоуровневого социокультурного пространства трансформировало основу индивидуального самопознания и самоопределения, разорвало социокультурные связи;
- девальвировались культурные коды, которые давали возможность посредством воспитания, социализации, образования приобретать одобряемый социальный статус индивиду через приобщение к культуре;
- многоформатность модусов (форм презентации) идентичности, которая базируется на противоречивых основаниях, определяющих невозможность внешней социальной оценки идентичности человека;

- возникновение новых идентификационных модусов, которые не связаны с образованием и культурой, но при этом дают возможность приобретения высокого социального статуса;
- сегментированная идентичность индивида стала определяться принадлежностью индивида тому или иному социальному сегменту, полю социальных отношений;
- доминирование коллективного формата идентичности над индивидуальным как референтно-группового, в зависимости от вхождения его в ту или иную устойчивую референтную группу.

Теоретическое обоснование

По мнению А. Жаде, Е. С. Куква, С. А. Ляушевой и А. Ю. Шадже (Жаде, Куква, Ляушева, Шадже, 2006), динамика идентичности не сводится к линейному движению от естественной (природной) идентичности к идентичности в изменяющемся мире. «Структура и характер идентичности, по мнению указанных исследователей, определяется ролью тех или иных компонентов, входящих в нее. Соответственно этому, авторы характеризуют многоуровневую российскую идентичность как иерархически структурированную и представленную следующими уровнями: этническая, региональная, национальная, геополитическая и цивилизационная» (Немчина, 2018, 111).

Обоснованным такой подход можно принять, но лишь с одной оговоркой: данная иерархия выражает только вертикальный срез идентичности и оставляет без внимания ее горизонтальный срез, а, ведь, именно на этом уровне живет и действует конкретный индивид. Представляется необходимым дополнить эту конструкцию именно таким подходом.

Когда мы говорим об идентичности индивида, то акцентируем внимание, прежде всего, на личностной и социальной характеристиках. Многие исследователи, например, И. П. Ильин, избегают термина «личностный», чтобы в своем дискурсе не входить в область социальной психологии и психологии личности и связанные с нею идентификационные механизмы. Они предпочитают говорить о персональной идентичности (Ильин, 1998). И это измерение идентичности имеет горизонтальные и вертикальные измерения. Под горизонтальным измерением имеется в виду включенность персоны-индивида в различные социальные группы. То, что индивид может принадлежать к самым разным социальным группам, и большим, и малым, характеризует то, что многоярусное социальное пространство является социальным полем, на котором «произрастают» различные идентичности, в том числе и такие разнопорядковые идентичности, как гражданско-государственная, историческая, цивилизационная, являющиеся выражением вертикального измерения идентичности.

В характеристике идентичности современного российского общества мы исходим из того, что для экспликативного анализа целесообразно выделять следующие группы идентичностей:

1. Базовые идентичности.
2. Характерологические видофикации базовых идентичностей.
3. Процессуальные состояния характерологических видофикаций базовых идентичностей.

Базовыми идентичностями выступают следующие идентичности, которые можно назвать субстанцией (основой всякой идентичности): индивидуальная идентичность – коллективная идентичность – социальная идентичность.

Характерологическими видофикациями индивидуальной идентичности являются следующие: личностная (персональная) идентичность, гендерная идентичность, демографическая идентичность и профессиональная идентичность.

Характерологическими видофикациями коллективной идентичности являются следующие: групповая идентичность и этническая идентичность, подвидами которых являются профессионально-групповая идентичность, культурно-групповая идентичность, гендерно-демографическая групповая идентичность, этнокультурная идентичность, ритуально-групповая идентичность, мобилизационно-групповая идентичность.

Характерологическими видофикациями социальной идентичности являются следующие: национальная идентичность, государственная идентичность, подвидами которых являются территориальная и региональная идентичность, цивилизационная идентичность, геополитическая идентичность и такие разновидности социальной идентичности, как социокультурная, политическая, экономическая и историческая.

Процессуальные состояния базовых идентичностей как субстанции идентичностей и их характерологических видофикаций назовем акциденциями идентичностей как обозначающее несущественные, случайно появляющиеся (т.е. связанные не с сущностью, а с внешними обстоятельствами) свойства явления или процесса.

Идентичность – родовое качество человека. Только человеку присущи самосознание, самооценка, самоотождествление и прочие атрибутивные качества. Именно поэтому в рамках социальной антропологии идентичность человека рассматривается как одно из базисных понятий. Для антропологического рассмотрения идентичности присущи две направленности: одна, отталкиваясь от перечисленных выше заданных параметров, ориентируется на исследование группообразования, другая – на особенности структурирования социального пространства.

Антропологический подход к рассмотрению идентичности представлен в работах М. Бубера, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Мид, Ж.-П. Сартра, У. Джеймса, Э. Фромма, М. Шелера, М. Фуко, М. Хайдеггера, К. Ясперса и других авторов. Для данного подхода характерно рассмотрение идентичности как сущностной черты природы человека вообще.

Предмет такого рассмотрения – именно природа человека. В таком разрезе обычно элиминируются какие-то индивидуально-личностные характеристики субъекта, мотивы его действий, психотип, эмоциональная и когнитивная сферы личности. Они подразумеваются как уже имеющиеся, как заданные, как некий устойчивый параметр субъекта.

Среди отечественных авторов, использующих данную парадигму, можно выделить работы Е. П. Белинской, В. С. Михайлова, А. Е. Жичкиной, М. В. Шакуровой, Н. Л. Ивановой и других авторов. Среди главных проблем, которые рассматриваются представителями данного направления, нужно выделить следующие: экспликация качеств и отношений субъекта в определенном континууме (сегменте социальных практик, коммуникативном пространстве, информационном пространстве и т.д.), формы и способы реализации субъекта в этом пространстве; осмысление субъектом себя в этом пространстве.

Подобный подход «нащупал» больше количество задач и нерешенных проблем, дилемм и противоречий, к числу которых можно отнести дилемму самоотождественности и «инаковости» в виртуальном мире, дуализм сущности индивида (самость и принадлежность социальной общности), противоречивый внутренний диалог индивида и его коммуникация с партнерами, механизмы самореализации, формы самоопределения, новые формы социальной и личностной рефлексии и т.д.

Идентичность в антропологическом разрезе, как отмечает В.И. Самохвалова, есть характеристика принадлежности индивида к группе людей на основе общности существования, функций, реализуемых в наличном бытии, общих черт, свойств, характеристик и целей существования, а также реально существующих норм и представлений о нормах (Самохвалова, 2009).

Такой отечественный исследователь, как П.С. Гуревич, считает, что есть и другая антропологическая сторона проблемы идентичности: человек стремится сравнить себя с какой-то групповой общностью, и через это сравнение глубже и всестороннее осмыслить и понять себя самого, выработать представление о себе самом (Гуревич, 2010).

Согласно представлениям Мартина Бубера, жизнь – это встреча «Я и Ты» и «Я–Он», при этом первая встреча есть диалог, а вторая – монолог (Бубер, 1995, 76). В диалоге другой воспринимается во всей своей специфической инаковости, цельности и уникальности, а в монологе имеет место объектное отношение использования. В любом случае, познание себя осуществляется через другого. М.Бубер тонко подметил специфические особенности идентификации – в этом формате различается идентичность человека как свободной личности и индивида, который руководствуется своей собственной волей, вернее – своеволием.

Свободная в самореализации личность реализует себя через равноправное отношение к другому как партнеру по диалогу, а несвободный индивид, являющийся заложником своего своеволия, реализует себя (усматривает свою идентичность) через монолог, т. е. навязывая себя другому или другим и используя внешний для него мир для реализации своих собственных своевольных целей. Для ведения диалога с другим в цифровой среде нужно не только отдать отчет о том, кем является другой (другом, врагом, партнером и т. д.), но и отдать себе отчет о себе самом.

Результаты и их обсуждение

В цифровую эпоху «индивид становится носителем и жертвой амбивалентной индивидуальной идентичности: идентичности как выражения собственной индивидуальности, включающей личностную, групповую, профессиональную, гендерную, этническую, гражданскую, которую можно назвать реальной идентичностью, и идентичность виртуальную – его индивидуальный цифровой адрес, идентичность как пользователя информационного ресурса» (Немчина, 2017, 148).

«Формируется всеобщая эпоха симуляции, активной имитации реальной жизни. Этот процесс, конечно же, не может не касаться и идентичности индивида. Его идентичность также представляет собой симулякр, как некий фантом, теряющий или уже потерявший всякую связь с реальностью. Симулякр, являясь иллюзией, хотя и цифровой иллюзией, сводит персональную идентичность к иррациональным ценностям и установкам и, соответственно, переносит границы адекватной социализации в иллюзорный нереальный формат, который апробируется в столь же подвижном пространстве виртуальности» (Немчина, 2017, 149).

Такая идентичность способствует развитию дезадаптивных стратегий личности в мире материального бытия и системы реальных социальных взаимодействий. А если учесть то, что симулякр является элементом цепочки аддиктивной зависимости индивида от ресурсов иллюзорной реальности, то это скорее способствует деструктивным элементам в идентификационном процессе.

Подмена в виде симуляции базовой реальности иллюзорными симулякрами и симуляций – процесс, который стал реальностью. Размываются не только границы между реальностью и иллюзией, размываются и еще более значимые границы.

Цифровой мир создает свой порядок, свои нормы поведения, свою мораль, свои компетентности и значимости. Это все можно назвать инфоэтическими проблемами бытия в цифровой реальности. Сопоставление реального мира и мира цифрового, а также размежевание современного общества относительно информационного капитала (как капитал или как механизм манипуляции), создание двух несоприкасающихся миров со своими ценностями и своей свободой доступа и практиками использования информационных ресурсов приводит к умножению, к плюрализации миров.

Все эти миры порождаются реальностями информационного общества, и все эти миры являются социальностями. Возникает феномен множественности социальности. Соответственно этому, возникает эффект коловратности идентификации в этих мирах.

Когда реальный мир подменяется иллюзорным миром, информация, получаемая индивидом в цифровом пространстве, не требует творческой оценки, ценностного предпочтения и выбора, а является лишь формой утилитарного, прагматического или гедонистического потребления, когда реальные ценности подменяются симулякрами, то и сам индивид тоже становится своеобразным симулякром. Идентичность в таком отношении становится, как отмечает Е. О. Труфанова, непроходимым лабиринтом (Труфанова, 2010).

При всех прочих особенностях информационно-коммуникационный обмен и коммуникативное взаимодействие в цифровом пространстве утрачивают практически все невербальные средства передачи информации, чувств, эмоций, образности, эмоциональности. Такая коммуникация, как отмечают В. И. Кокшарова, Н. В. Рейнгардт О. В. Тихонов (Кокшарова, Никифоров, 2013; Рейнгардт, 2006; Тихонов, 2013), частично компенсирует эту потерю различными визуальными, символическими и графическими средствами выражения своих чувств.

В цифровом пространстве акторы коммуникации создают себе так называемые виртуальные имиджи, которые являются выражением их «виртуальной личности». Это является, так сказать, внешним выражением трансформации персональной идентичности в виртуальной среде. И здесь актуальным является вопрос о том, насколько реальная идентичность индивида совпадает или расходится с виртуальной идентичностью. То, как называет себя актер виртуальной коммуникации, отмечает И. Рейд, характеризует его самопрезентацию в цифровой коммуникации (Reid, 1994). В этом плане возникает целый спектр проблем, характеризующих персональную идентичность в виртуальной реальности.

Это, прежде всего, проблема соотношения реального «Я» и виртуального «Я». Другая проблема – это то, какие характеристики реальной личности являются основанием для конструирования его виртуального «Я». Третья проблема – на каких ценностных основаниях выбираются те или иные черты виртуального «Я». Существует множество самых разных версий. Одна из них связана со степенью социальной ригидности личности, в частности, с так называемой, ролевой ригидностью (индивид идентифицирует себя с исполнителем некоторого репертуара ролей) и с диспозиционной ригидностью (индивид в своей идентичности руководствуется достаточно жесткими установками). Для цифровой коммуникации оба ригидных репертуара характеризуются тем, что индивид идентифицирует себя не столько с ценностями какой-то определенной устойчивой социальной группы (как это имеет место в реальности), а с достаточно широким спектром сообществ, в данном случае – сетевых сообществ, с которыми он находится в контакте. Это означает, что в формировании идентичности индивида в виртуальной реальности участвует множество референт-

ных групп, в связи с чем идентичность индивида становится амбивалентной, ее границы прозрачными, а аксиологические основания лабильными.

Таким образом воспроизводятся идентификационные конструкты индивида в цифровой среде как некоторые специфические матрицы или своеобразные операциональные модели суждений и оценок, предназначенные для выражения отношения к тем ситуациям, которые возникают в процесс идентификации. Это также модели повседневной и социальной коммуникации, модели взаимоотношений и взаимосвязей. И совершенно нетривиальным является вопрос: если мы действуем согласно этим моделям (общаемся, создаем коммуникативный континуум, социализируемся и адаптируемся к социальной действительности), тогда мы ведь вносим в социальный мир и социальный порядок, новые социальные практики коммуникации и взаимоотношений. А создавая социальные практики и реализуя их в действительности, мы создаем какой-то сегмент социальной реальности.

Поэтому, с одной стороны, отражая социальную реальность, мы конструируем свое отношение к ней в виде идентификационного конструкта, отраженного в наборе социальных маркеров и матриц поведения и действия, а с другой стороны, реализуя по этим маркерам и матрицам свои действия, мы творим часть социальной реальности, меняем ее, трансформируем. Получается, что социальные реальности – это искусственные, то есть созданные людьми абстрактные образования. Их продуктивная и инструментальная функция заключается в том, что они выступают своеобразными идеальными моделями, и данные модели предназначены для отражения того, что именно представляется как реальность. При этом идентификационный конструкт индивида может быть целенаправленно формируемым или непроизвольно возникающим способом отражения доминирующей над ним реальности. Он может быть прагматично-целевым результатом прямого воздействия на субъекта (например, манипуляция), а может быть следствием рационального отношения к социальной реальности в виде отражения ее в понятиях и принципах и продуктом социальных переживаний и социальных чувств, сформированных также искусственно сконструированной средой. Амбивалентность множившихся реальностей и идентификационного конструкта делает прозрачными и неустойчивыми личные границы индивида и порождает когнитивный диссонанс.

Литература

- Бубер, М. (1995). Два образа веры. М.: Издательство «Республика», 78.
- Гуревич П.С. (2010). Проблема идентичности человека в философской антропологии. *Вопросы социальной теории*, 4, 64-78.
- Жаде З. А., Куква Е. С., Ляшова С. А., Шадже А. Ю. (2006). Многоуровневая идентичность М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 241.
- Ильин, И. П. (1998). Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. Москва: *Интрада*, 77-78.
- Немчина, В.И. (2018). Многоуровневая структура современной идентичности: проблема демаркации социальности. *Социально-гуманитарные знания*, 7, 110-116.
- Немчина, В. И. (2017). Идентичность индивида в социальных интернет-практиках. *Философия права*, 1 (80), 128-132.
- Радклифф-Браун, А. Р. (1997). Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении народами. *Антология исследований культуры*, 1, 34.
- Рейнгардт, Н. В. (2006). Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире. Автореф. Дисс. к. филос. н.: Курск.
- Самохвалова, В. И. (2009). К пониманию человека в его человеческой идентичности, *Полигнозис*, 2, 89-102.
- Тихонов, О. В. (2013). Трансформация феномена идентичности в пространстве сети Интернет: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Казань, 18.
- Труфанова, Е. О. (2008). Человек в лабиринте идентичностей. *Вопросы философии*, 2, 12-18.

Хамнаева, А. Ю. (2007). Характеристики идентичности в меняющемся мире. *Аналитика культурологии*, 7, 45-52.

Reid, E. (1994). Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne, 1, 187-192.

Кокшарова, Е. И., Никифоров, О. Ю. (2006). Полиидентичность личности в виртуальном коммуникативном пространстве сети Интернет. Режим доступа: [http:// human.snauka.ru](http://human.snauka.ru).

References

Buber, M. (1995). Two Types of Fatih. Moscow: Publishing House "Respublica", 78.

Gurevich, P.S. (2010). The Problem of Human Identity in Philosophical Anthropology. *Voprosy socialnoj teorii*, 4, 64-78.

Ilyin, I.P. (1998). Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of the scientific myth. Moscow: *Intrada*, 77-78.

Khamnaeva, A. Yu. (2007). Characteristics of Identity in a Changing World. *Analytics of Culturology*, 7, 45-52.

Nemchina, V.I. (2018). Multi-level structure of modern identity: the problem of demarcation of sociality. *Social and humanitarian knowledge*, 7, 110-116.

Nemchina, V. I. (2017). Identity of the individual in social Internet practices. *Philosophy of law*, 1 (80), 128-132.

Radcliffe-Brown, A. R. (1997). Historical and functional interpretation of culture and practical use of anthropology for control over the aborigines. *Anthology of Cultural Studies*, 1, 34.

Reid, E. (1994). Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities / A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne, 1, 187-192.

Reinhardt, N. W. (2006). Transformation of human identity in the information and computer world. Abstract for the dissertation: Kursk.

Samokhvalova, V. I. (2009). Toward an understanding of man in his human identity. *Polygnosis*. 2, 89-102.

Tikhonov, O. V. (2013). Transformation of the phenomenon of identity in the Internet space: abstract of the dissertation, Kazan, 18.

Trufanova, E. O. (2008). Man in the labyrinth of identities. *Questions of Philosophy*, 2, 12-18.

Zhade, Z. A., Kukva, E. S., Lyausheva, S. A., Shadje, A. Yu. (2006). Multilevel identity M.: Russian Philosophical Society; Maikop: LLC "Quality", 241.

Koksharova, E. I., Nikiforov, O. Yu. (2006). Polyidentity of a person in the virtual communicative space of the Internet. Available at: <http://human.snauka.ru>.

Дата получения рукописи: 15.10.2022

Дата окончания рецензирования: 02.11.2022

Дата принятия к публикации: 7.11.2022

Информация об авторе

Немчина Вера Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nemchina@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Nemchina Vera Ivanovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Regional and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nemchina@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare